

ЯРОСЛАВ ШИМОВ

Беспокойный призрак империи

Заметки об имперском прошлом, постимперском настоящем и (возможном?) неоимперском будущем России

История России представляет собою историю страны, которая сама себя колонизует.

В. О. Ключевский. «Курс русской истории»

Усилившаяся в последние месяцы активность российской внешней политики в так называемом «ближнем зарубежье»¹ заставляет задаться несколькими вопросами. Во-первых, каковы, собственно, стратегические цели Москвы на пространстве бывшего СССР? Во-вторых, возможен ли серьезный «ренессанс» российского влияния в рамках СНГ и какие формы может принять этот процесс? И в-третьих, какое влияние окажет нынешняя московская активность на «СНГшном» направлении на общее соотношение геополитических сил в Восточной Европе, Закавказье и Центральной Азии? Для того, чтобы получить хотя бы отчасти достоверный ответ на указанные вопросы, необходимо, однако, проанализировать основные особенности российского имперского наследия. Ведь несмотря на то, что нынешняя Россия заметно отличается от своих предшественников, Российской империи и СССР, по большинству геополитических, социально-экономических, культурных и иных параметров, между этими тремя государствами прослеживается и определенная преемственность. Она наблюдается прежде всего в области социально-психологической, т.е. в сфере самоидентификации рос-

¹ Эта активность проявляется в разных формах. С одной стороны, наблюдается усиление интереса России к таким международным проектам, как Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС), Единое экономическое пространство (ЕЭП) четырех стран – России, Украины, Белоруссии и Казахстана, Договор о коллективной безопасности стран СНГ и проч. С другой стороны, иногда Кремль избирает по отношению к соседям России и более жесткую тактику. Так, усиливается противодействие Москвы стремлению президента Грузии М.Саакашвили восстановить единство своей страны за счет пророссийски настроенных сепаратистских образований – Южной Осетии и Абхазии. Можно вспомнить и не слишком удачные попытки России в первой половине 2004 года резко усилить свое экономическое и политическое влияние в Белоруссии, используя «газовые» рычаги. К этому же разряду относится возросшая активность пророссийских (впрочем, как и прозападных) лоббистов на Украине в преддверии октябрьских президентских выборов и т.д.

сийского общества, в том, что касается оценки себя и соседей, массовых представлений, мифов, стереотипов и идеологических конструкций.

Недаром введенное в политический лексикон в прошлом году А. Чубайсом выражение «либеральная империя», характеризующее наиболее симпатичный российским правым либералам вариант политики Москвы по отношению к «ближнему зарубежью», не вызвало никакой негативной реакции в Кремле, да и у российской общественности, далеко не только либеральной, в целом нашло понимание. Если учесть, что высказывание принадлежит «всероссийскому аллергику» Чубайсу, это может считаться почти чудом². Возражения относительно данной концепции, предусматривающей усиление влияния России в странах СНГ за счет активного и порой беспардонного использования экономических рычагов, касались как правило «либеральной», но не «имперской» ее составляющей.

Известный российский историк Алексей Миллер утверждает, что «...мы уже выяснили, правда с некоторым запозданием, что не в территории счастье. Что присоединение к Царству Московскому, Российской империи, Советскому Союзу той или иной очередной территории жизнь краше во многих случаях не делало»³. Есть ощущение, однако, что в данном случае речь идет о wishful thinking. Имперское мышление отнюдь не исчезло из интеллектуального арсенала российской элиты и массового сознания российского общества. Это мышление лишь слегка трансформировалось. Не будь это так, вряд ли столь большое внимание в России вызывали бы события в Аджарии, Южной Осетии, Приднестровье, Армении или на Украине.

Конечно, государство, претендующее на статус если не глобальной, то региональной державы, вправе бороться за укрепление своего влияния в соседних странах. Вопрос заключается лишь в методах ононого укрепления и конечных целях, которые при этом преследуются. Российский имперский опыт дает в этом отношении богатую пищу для размышления и извлечения уроков.

Завоеватели, колонизаторы или колонизируемые?

Крупное и сильное централизованное государство, ведущее экспансионистскую политику (а именно так можно упрощенно охарактеризовать любую империю), обычно выступает по отношению к покоряемым территориям и их населению в роли завоевателя или колонизатора. Роли эти тесно связаны, но далеко не всегда тождественны. Колонизация – сложный (и не обязательно насильственный) процесс распространения материальной и духовной культуры того или иного народа в инокультурном ареале. Иногда – как, например, в случае с колонизацией Латинской Америки испанскими конкистадорами – колонизация ведет к полному или частичному уничтожению или упадку исходной аутентичной культуры местного населения. В иных случаях эта культура и культура колонизаторов мирно сосуществуют, постепен-

² Подробно концепция «либеральной империи» была изложена А. Чубайсом в статье «Миссия России в XXI веке» (см.: «Независимая газета», 1.10.2003).

³ А. Миллер. Мы никогда не будем сверхдержавой // Полит. ру, 15.06.2004. <http://www.polit.ru/publicism/world/2004/06/15/georgia.html>.

но «накладываясь» друг на друга. (Так произошло, например, в средневековой Англии, где после прихода Вильгельма Завоевателя начался длительный процесс культурной диффузии пришельцев-норманнов и местного англосаксонского населения).

Завоевание может как предшествовать колонизации, являясь по сути дела ее первой стадией, так и следовать за ней. Первый вариант — колонизация части Азии, Африки и Латинской Америки европейскими державами в XVI—XIX вв. Вариант второй — это, к примеру, присоединение к России донских и кубанских областей, которые вначале осваивались беглыми крестьянами, превратившимися в казаков. После поступления казаков на государственную службу и формализации их статуса в рамках российского государства эти области официально перешли под юрисдикцию последнего, хоть и на особых правах. Истории известны, однако, и примеры как колонизации без завоевания⁴, так и завоевания без колонизации⁵. Последнее происходит, как правило, в случае, если население завоеванных областей обладает гораздо более развитой культурой, чем завоеватели.

Своеобразие российской колонизации заключалось в том, что ее методы были самыми разнообразными. В ряде случаев это была «классическая» схема колонизации: военный поход — завоевание — экономическое и культурное освоение покоренной территории. Так произошло с обширными областями Поволжья и Западной Сибири, покоренными Иваном Грозным и действовавшими по его поручению военачальниками (например, Ермаком Тимофеевичем). Колонизация Кавказа и большей части Центральной Азии в XIX в. осуществлялась таким же образом. На Дальнем Востоке, во многих регионах Сибири, а также на уже упоминавшихся Дону и Кубани ситуация была иной: здесь колонизация предшествовала завоеванию. Отношения между первыми колонистами (в большинстве своем беглыми крепостными, казаками, старообрядцами и т.п.) и государством были в этом случае весьма непростыми. Как отмечает этнолог С. Лурье, «русские, присоединяя к своей империи очередной участок территории, словно бы разыгрывали на ней мистерию: бегство народа от государства — возвращение беглых вновь под государственную юрисдикцию — государственная (официальная, упорядоченная) колонизация новоприобретенных земель»⁶.

Наконец, Финляндия и Прибалтика, присоединенные в результате войн со Швецией, и часть Польши, доставшаяся Российской империи после разделов Речи Посполитой, представляют собой примеры завоевания без колонизации. В остзейских провинциях, уже колонизированных немцами в середине века, российское правительство оставило социальную структуру и уклад жизни практически неизменными. Примерно то же можно сказать и о Фин-

⁴ Так, греческие колонии в Причерноморье (Херсонес, Ольвиополь и др.) благодаря активным контактам с населением окрестных областей оказывали заметное влияние на культуру и образ жизни последних, однако завоевательной политики греческие колонисты практически не вели.

⁵ Например, после покорения Китая манчжурами в середине XVII в. большинство завоевателей «растворилось» среди завоеванных, в течение нескольких поколений ассимилировавшись и приняв китайский язык и культуру.

⁶ С. В. Лурье. Историческая этнология. М., 1998. С. 164.

ляндии, которая на протяжении всего периода ее пребывания в составе империи пользовалась широкой автономией. В Польше же и Литве, несмотря на проводившуюся там после подавления восстаний 1830–31 и 1863–64 гг. русификаторскую политику, полноценной колонизации не получилось. Местное население, обладавшее собственной развитой культурой, многочисленной элитой и давней традицией государственности, более или менее активно отторгало насильно навязываемые ему русский язык, культуру и государственно-политическую систему.

Итак, у Российской империи не было единой политики по отношению к колонизируемым странам и народам. Это связано с тем, что указанные страны и народы находились на очень разных стадиях экономического, политического и культурного развития – не только по отношению друг к другу, но и по отношению к самой России. Так, при покорении Сибири, Кавказа и Центральной Азии русские выступали как народ с более сложной и мощной социальной, государственно-политической и военной организацией, чем коренное население этих регионов. Однако по отношению к Речи Посполитой или остзейским провинциям Россия по большинству этих параметров (кроме разве что военного) выглядела более отсталой. Так, в конце XIX в. Царство Польское, в котором проживало лишь около 10% населения всей Российской империи, производило почти 40% угля, 23% стали, 15% железа и более 30% текстиля, выпускавшегося в империи⁷. Уровень грамотности населения Польши и Прибалтики в 3–3,5 раза превышал аналогичный показатель для среднерусских губерний и т.д.

Более того, в определенном смысле сама Россия была колонизируемой страной. В состав ее правящей элиты в петровскую и последующие эпохи вошло непропорционально большое число иностранцев, вовлеченных царем-реформатором и его преемниками в процесс «озападнивания» России. Хотя многие из этих людей и их потомков постепенно обрусели, перешли в православие и начали отождествлять себя с Россией, значительная часть аристократии, в первую очередь немецкого происхождения, оставалась чуждой языку и культуре страны, в которой жила и которой служила. Инженер-путеец А.И. Дельви́г (двоюродный брат поэта А.А. Дельвига) отмечал в своих мемуарах, описывая события середины XIX в.: «Мне тогда еще не была известна вся ненависть остзейских дворян, моих земляков, к России, к которой присоединены более 150 лет, но не признают ее своим отечеством, а служат, как они говорят, не ей, а государю...»⁸. Многие такие дворяне, даже занимая весьма высокое положение (как, например, К. Нессельроде – многолетний министр иностранных дел при Александре I и Николае I), воспринимали Россию не как свое отечество, а как некое колонизируемое евроазиатское пространство. Ничего подобного не наблюдалось ни в одной другой европейской стране.

Выступая в качестве великой континентальной империи, царская Россия попала в противоречивую ситуацию. На востоке и юге ее экспансия протекала в полном соответствии с европейскими колониальными канонами. Зато

⁷ См.: Ivan T. Berend. *Decades of Crisis. Central and Eastern Europe Before World War II*. Berkeley – L.A., 1998. P. 18.

⁸ Цит. по: Л. Высочков. Николай I. М., 2003. С. 257.

на западе, где в сферу ее влияния попали страны более развитые, чем она сама, Россия «недотягивала» до уровня полноценной метрополии, ибо метрополия не может быть менее развитой, чем ее колонии. Как отмечает современный исследователь В. Кантор, «империя — это борьба цивилизации с варварскими смыслами внутри своей культуры и с варварскими окраинами, она несет просвещение, устанавливает общую наднациональную цель»⁹. Если на востоке и юге Россия была вполне способна играть имперскую роль, то на западе это было невозможно. Какую «наднациональную цель» она могла предложить полякам, не забывшим о собственной государственности, уничтоженной в конце XVIII в. Романовыми, Гогенцоллернами и Габсбургами? Или остзейцам, хоть и готовым служить русскому царю (но не России), однако не переставшим чувствовать свое духовное и культурное родство с Германией?

Кроме того, на западном направлении русской имперской экспансии противостояли сильные противники в лице «европейского концерта держав». Из-за их сопротивления России не удалось закрепиться в качестве гегемона на Балканах. Победы России над Османской империей в 1827–29 и 1877–78 гг. не принесли империи тех геополитических выгод, на которые надеялись ее правители. Европа, которая побаивалась нависшего над ней на востоке колосса, стремилась обратить имперскую экспансию русских в иное, более безопасное для себя направление. Наверное, самым откровенным выражением этой стратегии стали заявления германского императора Вильгельма II на переговорах с Николаем II в Бьёрке в 1905 г. Тогда кайзер попытался склонить царя к союзу с Германией против общего противника — Британии, причем сферы влияния и направления экспансии предполагалось разделить таким образом, чтобы Германии достались континентальная Европа и Ближний Восток, России же — Центральная Азия и Дальний Восток.

Вильгельм, конечно, действовал прежде всего в собственных интересах. Однако его концепция несостоявшегося русско-германского союза, возможно, основывалась на характерном для многих западных политиков ощущении некоей неестественности русской экспансии в Европе. Для Запада Россия при ее относительной отсталости представляла собой если не «варварскую окраину», то по крайней мере обширное развивающееся пространство, с одной стороны, живущее во многом по иным законам, чем сам Запад, с другой же — весьма зависимое от него, прежде всего экономически. И наоборот — распространение русского влияния в Азии представляло собой, по сути дела, «длинную руку» Европы, ибо от Каракум до Манчжурии Россия выступала как держава несомненно европейская. Однако поражение в войне 1904–05 гг. с Японией — событие, на наш взгляд, еще более роковое для русской истории, чем принято считать, — привело к тому, что царское правительство в испуге отшатнулось от дел восточных, вернувшись к более привычной и знакомой европейской политике. После Цусимы проект Вильгельма II не имел шансов на успех. Тем самым был проложен путь к августу 1914 г., когда Россия (как, впрочем, и ее тогдашние союзники, и противники) вступила в, наверное, самую ненужную и бессмысленную войну в истории человечества — Первую мировую.

⁹ В. Кантор. Кризис имперского сознания в России на рубеже веков // «Русский журнал», 27.12.2002 <http://www.russ.ru/politics/20021227-kant-pr.html>

Национализм, интернационализм и империя

Впрочем, далеко не только участие в затяжной и неудачной войне 1914–18 гг. послужило причиной краха Российской империи. Внутри нее самой уже давно нарастали противоречия между имперским, т.е. наднациональным, характером российского государства, растущим национальным самосознанием многих этнических меньшинств империи – и политикой царского правительства, принявшей при двух последних императорах довольно отчетливый великорусско-националистический характер. Эта политика, выражавшаяся в русификации системы образования, прежде всего в западных губерниях (Царстве Польском, Литве, нынешних Белоруссии и Украине), подавлении автономистских поползновений в Закавказье, стремлении ограничить автономию Финляндии и проч., находилась в противоречии с русской имперской традицией XVIII–XIX вв., в которой этнонационалистическая составляющая практически отсутствовала.

Для Российской империи, созданной Петром I и укрепленной его преемниками, доминантами являлись скорее православие и самодержавная монархическая власть – т.е. два из трех слагаемых знаменитой идеологической триады графа С. Уварова. Добавленная к ним «народность» толковалась отнюдь не в националистическом духе, а как своеобразие русского традиционного уклада жизни, отличавшего Россию от материалистической, индивидуалистической, «греховной» Европы. Русское славянофильство XIX столетия тоже было не националистической, а вполне имперской, наднациональной идеологией. Возьмем для примера интерпретацию Ф.М. Достоевским смысла русско-турецкой войны 1877–78 гг.: «С Востока и пронесется новое слово миру... которое может вновь спасти европейское человечество. Вот в чем... для России заключается восточный вопрос. Но для такого назначения нам нужен Константинополь, так как он центр восточного мира... Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок»¹⁰. Это вполне традиционное для имперских идеологий мессианство («спасти европейское человечество»), хоть и использующее националистические мотивы («завоеван нами, русскими»), но лишь как вспомогательные и второстепенные. Именно от этой традиции отступила русская политика на рубеже XIX–XX вв.

Крах Российской империи явился не только следствием неудач России на фронтах Первой мировой и политического кризиса 1916–17 гг., но был и крахом великорусского национализма. Националистическая политика последних царей не могла быть успешной как потому, что ей противостояли уже достаточно развитые национальные движения многих народов империи, так и в силу того, что сам великорусский этнос еще не оформился в настоящую нацию. Возможно, это было «результатом неразвитости российского общества, и прежде всего отсутствия всеобъемлющей государственной системы образования, направленной... на превращение крестьян в россиян»¹¹. Иными словами, имперская православно-монархическая традиция не успела «переплавить» народы страны в единую российскую нацию (конечно, возникает

¹⁰ Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Берлин, 1922. С. 486.

¹¹ A. Liven. Chechnya: Tombstone of Russian Power. Yale, 1999. P. 17.

вопрос, была ли такая «переплавка» возможна в принципе, но это отдельная тема). Отход же от имперской традиции и ее замена национализмом были тем более бесперспективны, поскольку этническое самосознание крестьянского большинства русского народа не было достаточно развитым. В идентичности крестьян нередко преобладали местные («мы, рязанские», «мы, поморы», «мы, казаки») или религиозные («мы, православные», «мы, православные старой веры») компоненты. Что же касается элиты предреволюционного общества — той ее части, которая не разделяла левые идеи, предполагавшие «самоопределение наций», — то она мыслила по преимуществу имперски, в категориях «единой и неделимой России», что, кстати, сыграло негативную роль в истории белого движения во время гражданской войны¹².

Большевики с их идеологией интернационализма, придя к власти, фактически обновили и развили русскую имперскую традицию — на иной идеологической базе. Именно при них в 20-е — 30-е гг. наконец была создана упомянутая «всеобъемлющая государственная система образования», способствовавшая превращению крестьян (и не только) уже не в лояльных подданных самодержавного императора и не в великороссов, а в советских людей. В этот период в национальной политике советской власти шла борьба двух противоположных тенденций — с одной стороны, традиционной для коммунистов поддержки «самоопределения наций», а с другой — имперского централизаторского курса. Последний стал фактически неизбежным по мере того, как становилось ясно: мечте Ленина и Троцкого о мировой революции в обозримом будущем сбыться не суждено, советские республики превращаются в осажденную крепость посреди «враждебного капиталистического окружения».

С одной стороны, 20-е — 30-е гг. стали временем бурного развития культур многих народов СССР, совершенствования системы образования, появления довольно многочисленных национальных элит — интеллигенции, местной бюрократии и «спецов», что способствовало становлению самосознания этих народов и их окончательному превращению в современные нации. С другой стороны, частые и все более свирепые кампании репрессий против «буржуазных националистов» в разных республиках свидетельствовали о том, что имперский централизаторский курс набирает силу. Постепенный отход большевиков от первоначальной идеологии «пролетарского интернационализма» признают и многие апологеты советского строя — например, историк С. Кара-Мурза: «Со временем сакральный компонент ослабевал, перейдя из мессианской веры в мировую революцию в “культ Сталина”, связанный с идеей прежде всего укрепления *своей* страны»¹³.

¹² Например, летом и осенью 1919 г., в период наибольшего продвижения белогвардейских Вооруженных сил Юга России по направлению к Москве, их командующий А.Деникин (кстати, поляк по матери) пытался вести переговоры о совместных действиях против большевиков с лидером Польши Ю. Пилсудским. Переговоры сорвались главным образом из-за нежелания белых отказаться от принципа «единой и неделимой России» и официально признать независимость Польши. Пилсудский, настроенный антикоммунистически, в тот момент рассматривал большевиков как все же меньшую угрозу для Польши, чем имперски настроенных белогвардейцев.

¹³ С. Кара-Мурза. Советская цивилизация. М., 2002. Т. 1. С. 417.

Окончательная победа имперской политики в СССР относится ко второй половине правления Сталина. В 1939–40 гг. Советский Союз возвращается к практике экспансии на международной арене (участие совместно с нацистской Германией в разделе Польши, оккупация Прибалтики и Бессарабии, «зимняя война» с Финляндией). Внутри страны во второй половине 30-х гг. происходит окончательная централизация административной системы, усиливаются гонения на «буржуазных националистов», сворачиваются программы обучения на языках некоторых национальных меньшинств, проводится активная русификация на новоприобретенных территориях и т.д. В годы Великой отечественной войны и сразу после нее в официальной идеологии и политической практике советского государства появляются как новые имперские (относительное «примирение» советской власти с Русской православной церковью, депортация поволжских немцев, крымских татар, ряда кавказских народов и т.п.), так и великорусско-националистические компоненты (подчеркивание советскими идеологами ведущей роли русского народа в «братской семье народов СССР», популяризация героического прошлого русских, особенно военных побед, антисемитская кампания 1951–53 гг. и проч.). Фактически «красный царь» Сталин пошел по пути, проложенному Александром III и Николаем II.

В постсталинскую эпоху ситуация, однако, вновь изменилась. Централизация, особенно в конце 50-х – начале 60-х гг., стала слегка менее жесткой, массовые репрессии прекратились, а элиты национальных республик получили несколько больший простор для действий. Система «нацкадров» и квот для представителей союзных республик и автономий в лучших вузах страны способствовала воспитанию новых поколений местных элит. Благодаря этому отношения между центром и республиками в позднесоветский период отчасти напоминали модель «просвещенного» колониализма, при которой метрополия не только контролирует ситуацию в колониях¹⁴, но и воспитывает лояльную по отношению к ней верхушку местного общества. В идеале представители этой верхушки не слишком тесно духовно и культурно связаны со своей родиной и, подобно молодому Дж. Неру, могли бы сказать о себе: «Я часто спрашиваю себя, кого, собственно, я представляю... Во мне кипит странная смесь Востока и Запада; я не принадлежу никому, и нигде я не дома»¹⁵.

Добиться этого, однако, не удалось. Парадоксальность советской ситуации была в том, что после отказа руководства СССР от крайностей сталинского империализма конца 40-х – начала 50-х гг. в этой империи не осталось официальной метрополии. Россия хоть и находилась на положении «старшего брата», но, во-первых, сама являлась многонациональным государством, а во-вторых, в соответствии с официальной интернационалистской доктриной и не могла быть ничем кроме *primus inter pares*. Москва олицетворяла не столько господство России над остальными советскими республиками, сколько господство советской системы и коммунистической партии над все-

¹⁴ Одним из инструментов такого контроля был, например, институт вторых секретарей ЦК компартий союзных республик, которыми обычно становились назначенцы союзного центра, в абсолютном большинстве случаев – русские (или по крайней мере славяне).

¹⁵ Цит. по: J. R. Wegs, R. Ladrech. *Europe after 1945: A Short History*. Boston, 1996. P. 108.

ми республиками, включая Россию¹⁶. В то же время, поскольку официальным языком СССР был русский, а доля русских и представителей других славянских народов в советском руководстве в 60-е — 80-е гг. росла, в большинстве союзных республик (особенно неславянских и/или присоединенных в результате военной агрессии, как Прибалтика) именно Россия воспринималась как метрополия, а русские — как господствующая нация империи.

Вопреки заверениям советских идеологов, «новая историческая общность людей — советский народ» так и не возникла, хотя жители разных регионов и республик Советского Союза, вне зависимости от этнической принадлежности, приобрели определенные общие психологические черты. Их негативные проявления (а были, конечно, у данного типа и определенные позитивные стороны) описал А. Зиновьев, давший этому феномену наименование — homo soveticus, сокращенное в просторечии до презрительного «совок». В целом же советский режим недооценил значение того простого факта, что «в сравнении с классами и социальными слоями этносы — исторически более устойчивые общности... Часто антитеза “мы — они” проходит гораздо глубже по этнической линии, нежели по социально-классовой, идеологической, социально-возрастной»¹⁷. Зато это поняли и использовали в собственных интересах новые элиты союзных республик, среди которых видное место заняли партийно-советские «национальные кадры», воспитанные режимом СССР, как выяснилось, на свою погибель. Распад Союза был, несомненно, делом верхушечным — что не означает, будто для него не существовало глубоких исторических предпосылок. Однако ситуация, возникшая на постсоветском пространстве после 1991 г., вряд ли соответствовала ожиданиям кого-либо из тех, кто прямо или косвенно принял участие в крушении советской империи.

Империя наносит ответный удар?

Общим местом для многих российских и зарубежных аналитиков давно уже стало утверждение о том, что у Москвы нет продуманной политической стратегии по отношению к «ближнему зарубежью». Действительно, хотя развод бывших советских республик, в отличие от югославских, произошел почти бескровно, вряд ли это было заслугой одной лишь России. В остальном же список успехов российской политики в СНГ и по сей день выглядит весьма скромно. Трения начала и середины 90-х с Украиной относительно Крыма, Черноморского флота и ряда других проблем удалось урегулировать, но стабильность в российско-украинских отношениях по-прежнему весьма шаткая, как показал прошлогодний конфликт вокруг острова Тузла. Негласная поддержка Россией сепаратистских движений в Грузии и Молдавии стала выглядеть более чем двусмысленно после того, как Москва сама столкнулась с проблемой сепаратизма в Чечне. Центральная Азия, вопреки расчетам

¹⁶ Неудивительно поэтому, что именно руководство Российской Федерации во главе с Б. Ельциным сыграло решающую роль в распаде Советского Союза в 1990-91 гг. Правда, тогдашние российские «демократы», очевидно, не рассчитывали, что влияние России во многих бывших союзных республиках после крушения СССР упадет столь резко.

¹⁷ А. Прузаускас. Мог ли быть вечным «Союз нерушимый»? // «Свободная мысль». 1992. № 8. С. 4.

Кремля, не стала исключительно российской сферой влияния, и сейчас там сохраняется хрупкий геополитический баланс сил и интересов России, США и Китая. Даже союз с Белоруссией, с помпой заключенный в 1996 г. и после этого неоднократно «расширяемый и углубляемый», при президенте Путине начал трещать по швам — по множеству причин, среди которых неуступчивость и эксцентричность белорусского лидера А. Лукашенко играют, вопреки распространенным в России представлениям, далеко не главную роль.

К настоящему времени ситуация на территории СНГ характеризуется, на наш взгляд, следующими основными тенденциями, имеющими долгосрочный характер и определяющими статус основных игроков на постсоветской геополитической сцене.

1. *Независимость стран СНГ — это всерьез и надолго.* Еще 10 лет назад весьма часты (в первую очередь, конечно, в России) были рассуждения о том, что жизнеспособность таких государств, как Грузия, Белоруссия или Молдавия, невелика, и рано или поздно они в той или иной форме придут к восстановлению если не единого государства, то по крайней мере тесного союза с Москвой. Несмотря на трудности, с которыми сталкивалась в начале и середине 90-х гг. Россия, по сравнению практически со всеми ее соседями по СНГ она выглядела привлекательнее и «прогрессивнее». Поэтому в «ближнем зарубежье» идею сближения с РФ тогда зачастую поддерживали не только ностальгически и прокоммунистически настроенные «плакальщики по СССР», но и их ярые противники — сторонники прозападных либеральных реформ в стиле Е. Гайдара.

Во второй половине 90-х ситуация в силу ряда факторов стала меняться. Во-первых, Россия утратила значительную часть привлекательности в глазах ее ближайших соседей. Обстановка в стране при «позднем» Б. Ельцине оставалась нестабильной, модель созданного в РФ «олигархического» капитализма оказалась не слишком вдохновляющей, а внешнеполитические промахи Москвы восстановили против нее общественное мнение в таких странах, как Грузия, Азербайджан и отчасти Украина.

Во-вторых, в большинстве республик СНГ в годы независимости вступил в завершающую стадию процесс формирования *политических наций* со своей социально-экономической спецификой, системой ценностей и ориентаций, более или менее структурированными элитами, идеологией и т.п. Независимость была в 1991 г. получена большинством экс-советских республик, когда этот процесс только начинался, и явилась важным фактором, стимулировавшим формирование современных наций (особенно ярко это видно на примерах Белоруссии и Казахстана). В этих случаях справедливым оказалось замечание польского политика Ю. Пилсудского, считавшего, что «не нация создает государство, а часто наоборот»¹⁸.

В-третьих, за более чем десятилетие жители стран СНГ просто привыкли к независимости своих государств. Множество на первый взгляд мелких,

¹⁸ О том, насколько далеко зашел процесс формирования самостоятельных политических наций в России, Белоруссии и на Украине, свидетельствуют данные недавнего (май 2004 г.) опроса ВЦИОМ, в ходе которого респондентам был задан вопрос: «Если бы Вы могли выбрать, то в какой стране хотели бы жить?». 51% россиян, 32% украинцев и 28% белорусов ответили — «в своей собственной». В обновленном СССР предпочли бы жить по 19% опро-

но весьма существенных в обыденной жизни деталей (разные валюты, неодинаковые системы образования, ослабление культурных связей с бывшими партнерами по СССР, сужение сферы употребления русского языка и проч.) привело к изменению восприятия соседями по СНГ друг друга. То, что в начале 90-х не воспринималось как «настоящая заграница», 8–10 лет спустя таковой стало. Поэтому весьма экзотично звучат сегодня, например, утверждения о существовании «единого восточнославянского народа (русского, если называть вещи своими именами), искусственно разделенного на “русских”, “украинцев” и “белорусов”, а теперь еще и расчлененного государственными границами»¹⁹.

2. *Границы между бывшими республиками СССР нефиксированны.* Тенденции к пересмотру границ между государствами СНГ достаточно активно проявлялись в начале 90-х гг. (карабахский, грузино-абхазский, грузино-осетинский и приднестровский конфликты, трения между Россией и Украиной и проч.). Однако с 1993–94 гг., когда четыре упомянутых вооруженных конфликта перешли из «горячей» фазы в «холодную», ситуация в спорных регионах законсервировалась: до окончательного урегулирования далеко, но и до возобновления полномасштабных боевых действий, к счастью, тоже. (Будем надеяться, что Южная Осетия, где ситуация в последнее время обострилась, не станет несчастным исключением). Возник феномен непризнанных международных сообществ государств – Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья. Однако сам факт их непризнанности, то, что территориальная целостность Азербайджана, Грузии, Молдавии открыто не подвергается сомнению никем, кроме самих сепаратистских движений, свидетельствует о том, что угроза «балканизации» постсоветского пространства постепенно ушла в прошлое, а международное право превалирует над императивами этнического самоопределения.

Именно поэтому в нынешней ситуации вокруг Южной Осетии и Абхазии позиция России весьма уязвима. Дальнейшая поддержка Москвой сепаратистских республик становится явно бесперспективной на фоне решимости нового руководства Грузии восстановить территориальную целостность государства. Однако отказаться от ставшего привычным курса «разделяй и властвуй» Кремлю, видимо, пока как-то боязно. Некоторым российским аналитикам в этой обстановке даже отказывает логика: отмечая, что, «судя по всему, молодой грузинский лидер твердо намерен не оставить для России ни малейших шансов на политическое и экономическое влияние в регионе», они тут же пишут: «Если ему удастся... выдворить из Грузии российские военные базы, лишит ее приобретенной собственности в Аджарии и Абхазии, а также обеспечить переориентацию российских капиталов на восстановление грузинской экономики, то Саакашвили войдет в историю своей страны

шенных на Украине и в России и 15% в Белоруссии. Новый союз трех республик был бы по душе в качестве места жительства 23% украинцев, 17% белорусских и 9% российских респондентов. Наконец, «в объединенной Европе» мечтают жить 28% белорусов, 15% украинцев и 11% россиян. См. сообщение белорусской службы радио «Свобода» от 24.05.2004: <http://www.svaboda.org/news/articles/2004/05/20040524122308.asp>.

¹⁹ А. Никифоров. Одна нация – разные культуры? // «Русский журнал», 7.07.2004. http://www.russ.ru/culture/20040707_nikifor-pr.html.

как Давид Строитель»²⁰. Авторы статьи даже не замечают, что упомянутая ими «переориентация российских капиталов» на объединенную Грузию и есть способ сохранить там влияние России, по крайней мере экономическое. Напротив, поддержку самопровозглашенных государственных образований, чья экономика зачастую держится на разного рода теневых и полулегальных промыслах и операциях, вряд ли можно считать таким способом.

3. *Сохраняется и даже усиливается присутствие Запада как активного геополитического игрока на постсоветском пространстве.* Известный политолог Г. Павловский, однако, явно лукавит, когда пишет, что «усиливающийся Евросоюз, ...сохраняя свою доктрину расширения, “логично” поставил вопрос о размораживании старых конфликтов на Кавказе и в зоне Черного моря. Исходя из того, что его (Евросоюза) система безопасности является базовой и она должна быть утверждена на территории, примыкающей к его границам... Но конфликты были заморожены нами, в рамках... нашей системы безопасности! У стран Евровостока есть определенная практика пацификации этого пространства, и она работала последние десять лет»²¹. Во-первых, «страны Евровостока» здесь явно ни при чем: практика создания сепаратистских республик, находящихся под покровительством Москвы, — это чисто российская практика, направленная в конечном итоге на ослабление соседей России. Во-вторых, хотя противоречия между Западом и Россией на постсоветском пространстве действительно имеются, связаны они в первую очередь с неопределенностью положения самой России — в том смысле, что за 13 лет, минувших с момента распада СССР, последняя так и не определила свои цивилизационные приоритеты. Ведь ориентация на Европу и Запад в целом предполагает неизбежный отказ от тактики «разделения и властвования» в отношении с соседями, поскольку такая тактика противоречит интеграционному духу современного европейского проекта.

Хотя внешнеполитические приоритеты США и Европейского союза в настоящий момент находятся за пределами бывшего СССР (Вашингтон, очевидно, всерьез и надолго увяз в ближневосточной неразберихе, Евросоюз же занят проблемами, вызванными вступлением в него 10 государств и реформами внутренней структуры ЕС), очевидно, что западные державы не намерены выпускать из-под контроля ситуацию в бывшем СССР. Поскольку Запад заинтересован в первую очередь в стабильности этого пространства, любые дестабилизирующие шаги, кем бы они ни были предприняты, встретят противодействие как Европы, так и (особенно) США — вне зависимости от исхода ноябрьских президентских выборов в этой стране. Нынешний статус-кво на просторах Евразии может быть изменен — как об этом свидетельствует ситуация в той же Грузии, — но исключительно мирным путем, без резких столкновений и неожиданных геополитических сдвигов. Экономического, политического и военного потенциала сегодняшней России явно недостаточно для того, чтобы не считаться с этим фактором.

²⁰ Ю. Симонян, М. Кожушко. Саакашвили дал себе два года на возврат Абхазии // «Независимая газета», 7.07.2004.

²¹ Г. Павловский. Судороги рождения нации // «Русский журнал», 6.09.2004
<http://www.russ.ru/culture/20040905-pr.html>.

4. *Произошла стабилизация геополитического статуса России.* В настоящее время ни один реалистически мыслящий человек не станет, наверное, рассуждать о возможности обретения Россией в обозримом будущем статуса сверхдержавы, утраченного ею в начале 90-х. Пока российские политики на протяжении целого десятилетия ожесточенно дискутировали на тему о том, возродится или нет былое имперское величие их страны, история сама решила этот вопрос. Сегодняшняя Российская Федерация – крупное многонациональное постимперское государство с авторитарной политической системой, допускающей, впрочем, многие элементы демократии; с рыночной экономикой, которая при В. Путине все активнее перестраивается в «госкапиталистическом» направлении и ключевым сектором которой по-прежнему остается сырьевой; со множеством нерешенных внутренних проблем, в первую очередь в сфере безопасности и социальной политики, которые имеют (во всяком случае, должны бы иметь) приоритетное значение для любого здравомыслящего российского правительства.

В геополитическом плане такое положение позволяет России претендовать на статус крупной региональной державы, но не более того. Основные тенденции социально-экономического и политического развития РФ в последнее время позволяют прийти к выводу, что этот статус – «потолок» для России на долгие годы. Ведь имперская экспансия России/СССР происходила в прошлом в те исторические моменты, когда ее противники были разгромлены или серьезно ослаблены (Швеция после Северной войны, Речь Посполитая и Османская империя в конце XVIII в., Польша и Румыния в 1939–40 гг., Германия в 1945 г. и т.д.), а между ними и Россией образовывалась зона нестабильности, которая и становилась объектом экспансии. В настоящее время обстановка на постсоветском пространстве качественно иная. Запад, располагающий гораздо более мощным военным и экономическим потенциалом, чем теперешняя РФ, не заинтересован в резком изменении ситуации в этом регионе, а потому будет неизбежно противостоять любым попыткам российской военно-политической экспансии. И связано это не с какой-то клинической «русофобией» западных держав, а с историческими законами, согласно которым сферы влияния рухнувших империй как правило быстро делят между собой новые геополитические игроки.

К тому же положение нынешней России вновь чем-то начинает напоминать положение России столетней давности, времен русско-японской войны и переговоров между царем Николаем и императором Вильгельмом в Бьёрке. Как и тогда, налицо заметное ослабление внешнеполитических позиций российского государства, хотя теперь, в отличие от 1904–05 гг., оно не сопровождается острым внутривнутриполитическим кризисом. Как и тогда, многие западные государственные деятели и аналитики напоминают России, что главная угроза для нее – не на Западе, а на Востоке и что «Россия не имеет особого выбора, если желает сохранить важнейшее из ее территориальных приобретений... ибо можно уверенно утверждать, что без помощи Запада российское владение Сибирью не будет долгим»²². Как и тогда, среди российской элиты

²² Цитата из книги З. Бжезинского «Выбор. Глобальное доминирование или глобальное лидерство» приводится по: В. Иноземцев. Новые шахматы Збигнева Бжезинского // «Независимая газета», 8.07.2004.

нет единства относительно внешнеполитических приоритетов страны. Как и тогда, всё это может завершиться рискованными, непродуманными шагами, губительными для страны — особенно учитывая, насколько вес России 2004 года в мировых делах меньше, чем вес России года 1904-го.

5. У России нет новой привлекательной «имперской идеи». Любая империя — это в первую очередь некая идея, миссия, послание (message). Такой идеей у Российской империи была православная самодержавная монархия как наиболее «духовная» и «богоугодная» форма государственного устройства, способная принести свет истинной веры и соборности погрязшей в материализме Европе — ex Oriente lux, свет с Востока. Русский имперский проект потерпел неудачу в силу ряда внутренних и внешних обстоятельств, о которых шла речь выше. Всемирной миссией СССР — после того, как в начале 20-х гг. не оправдались надежды большевиков на скорую победу мировой революции, — стало максимальное расширение ареала господства коммунистической идеологии (как опять-таки «самой передовой и прогрессивной») и советского строя в той или иной его модификации. Созидательный пафос этого строя был модернизаторским: коммунистические режимы победили, за редким исключением, в странах довольно отсталых, и их стратегической целью стала социально-экономическая модернизация этих стран, которая позволила бы им составить конкуренцию Западу (отсюда хрущевское «догоним и перегоним Америку»). По ряду причин коммунистическая модернизация оказалась несравненно более накладной и неэффективной, чем послевоенная модернизация западного типа, что и явилось главной причиной краха социалистического лагеря во главе с СССР.

У современной России нет даже подобия идей и широкомасштабных проектов, способных сплотить вокруг нее хотя бы «ближнее зарубежье», не говоря уже о более широком сообществе стран и народов. В этом отношении весьма характерна недавняя статья Г. Павловского «Россия все еще ищет свою роль в мире»²³. Она представляет собой интересную смесь резонных, но несколько банальных умозаключений («Нет способа исключить Россию из евровосточного пространства. Блоковое или иное комбинированное выдавливание быстро — и неизбежно — приведет к восстановлению военно-политического фронта») с неаргументированными утверждениями («Никто, кроме России, не предлагает стабильность на постсоветском пространстве») и столь же голословными обвинениями («Америка на Евровостоке — это не факел свободы, а очаг олигархий и прозападных фракций бюрократии»²⁴). Но самое главное — попытки автора обосновать, почему именно тесный союз с Россией является наилучшей политической стратегией для ее ближайших соседей, не приводят ни к какому конкретному результату. В конце концов, сам Павловский признаёт необоснованность претензий Москвы на однозначное доминирование на постсоветском пространстве, заключая: «Плюрализм на Евровостоке... складывается наложением влияний России, Европы, США и внутренних элит».

²³ «Независимая газета», 31.05.2004.

²⁴ Забавно, что, заменив в этой фразе «Америку» на «Россию», а «прозападные» — на «промосковские», мы получим вполне адекватное описание сути российской политики во многих странах СНГ.

Попытку сформулировать «демократическую» доктрину лидерства России в СНГ предпринял недавно глава комитета Госдумы по международным делам К. Косачев, считающий, что «Россия должна стать экспортером демократии» на постсоветском пространстве. Здесь, правда, возникает вопрос: а какой смысл для демократически ориентированной части постсоветских обществ в уповании на Россию, если у последней есть немало собственных проблем с демократией, гражданскими свободами и законностью? Видимо, именно в этом причины той «крайне негативной тенденции», о которой упоминает Косачев и согласно которой, по его словам, «внутриполитическое противостояние в странах СНГ в зависимости от ориентации на Россию или Запад трансформируется в сознании населения в совершенно неприемлемую для нас альтернативу — либо за Россию, либо за демократию»²⁵.

Чубайсовская концепция «либеральной империи» представляет собой наиболее прагматичную попытку обосновать естественность российской гегемонии в «ближнем зарубежье», отталкиваясь от существующих тесных хозяйственных связей между республиками бывшего СССР, перерастающих в ряде случаев в их зависимость от России, прежде всего энергетическую. Однако и на экономическом поле простор для действий у Москвы не так широк, как, наверное, хотелось бы «либерально-имперским» идеологам. Во-первых, медленно, но верно происходит диверсификация экономических связей, в структуре которых (например, в Белоруссии, Казахстане и на Украине) все более заметное место занимают страны ЕС и другие партнеры из «дальнего зарубежья». Во-вторых, правящие элиты бывших советских республик нередко находят возможность сопротивления экономическому давлению Москвы — как это сделала, например, Белоруссия, не согласившись минувшей зимой уступить компании «Белтрансгаз» российской стороне на выгодных для последней условиях. В-третьих, даже успешные хозяйственные сделки (вроде переговоров самого А. Чубайса о приобретении РАО «ЕЭС России» пакета акций грузинской энергетической компании) не гарантируют России отсутствия политических проблем в отношениях с соответствующей страной — в данном случае с Грузией. С другой стороны, Москва продемонстрировала достаточную гибкость и умение сочетать экономические и политические способы давления, добившись летом 2004 года заключения ряда весьма выгодных для нее сделок с Украиной в нефтегазовой и металлургической отраслях²⁶.

Как отмечает известный российский экономист Р. Гринберг, подлинный успех постсоветской экономической интеграции возможен лишь «если Россия инициирует комплексную программу структурной перестройки постсоветской экономики на основе тщательно отобранных приоритетов и широкого распространения современных технологий»²⁷. Однако развитие РФ после 1991 г. свидетельствует, что новые российские элиты вполне устраи-

²⁵ К. Косачев. Россия должна стать экспортером демократии // «Известия», 25.06.2004.

²⁶ Подробнее см., напр.: Конец газовой войны. Российско-украинская экономика // Полит.ру, 11.08.2004

<http://www.polit.ru/publicism/economy/2004/08/11/npz.html>.

²⁷ Р. Гринберг. Результаты экономических реформ в постсоциалистических странах // «Проблемы теории и практики управления», 2003. № 3.

http://www.ptpu.ru/issues/3_03/1_3_03.htm.

ет сырьевая стратегия экономического развития страны, и пока ничто не свидетельствует о намерении Москвы приступить к подлинной структурной модернизации экономики. Поэтому для соседей России по СНГ сохранение односторонней ориентации на Москву может означать увековечение их второ- и третьестепенной роли в мировой экономике и все меньшую вероятность активного участия в процессах европейской интеграции.

Прежде всего поэтому возможность «неоимперского реванша» России на постсоветском пространстве находится под вопросом. Впрочем, стремление к такому реваншу, на наш взгляд, не имеет рациональных оснований и продиктовано как правило лишь ностальгическими эмоциями и пренебрежением к реальности. Эта реальность заключается в том, что замкнулся колоссальный исторический круг, который Россия начала описывать еще 500 лет назад, когда на заре эпохи могущества Московского государства возникла идеологема «Москва – Третий Рим». Эта идеологема, видоизменяясь порою до неузнаваемости, тем не менее оставалась основой бытия, *raison d'être*, старой Московии, Российской империи и Советского Союза. Падение советской империи и последовавшая за ним кризисная эпоха 90-х гг. качественно отличаются от предыдущих смут и кризисов, пережитых Россией (например, 1605–13, 1905–07 или 1917–21 гг.), тем, что изменили ее геополитический статус, превратив из империи в постимперское государство.

Окончателность этого превращения обусловлена тем, что одновременно с ним в мире произошло изменение всей системы глобальных связей. Процесс глобализации вступил в ту стадию, на которой роль и потенциал отдельных государств, даже самых могущественных, снижается, а роль цивилизаций, наднациональных объединений и глобальных «сетевых» структур (например, транснациональных корпораций или международных террористических группировок), наоборот, растет. В этом мире уже нет места для традиционных идеократических континентальных империй, каковой была Россия на протяжении многих веков своей истории. В этом мире роль России, как и любого другого государства, зависит скорее от того, насколько успешно оно справится с проблемами безопасности, сумеет ли вписаться в новую волну технологических изменений, построит ли систему *взаимовыгодного* политического, хозяйственно-го, культурного взаимодействия с ближними и дальними соседями...

Геополитическая иерархия в этих условиях, конечно, не исчезает, однако становится более сложной, многоступенчатой и неоднозначной. Чтобы успешно вписаться в нее, необходимы иные, более гибкие политические методы. «Логика 90-х годов, логика поддержания “неполноценных суверенитетов” и “серых зон” стремительно устаревает, и это обрекает на неудачу любого, кто попробует за нее цепляться»²⁸. Трудно не согласиться с этим утверждением, добавив лишь: традиционная имперская логика устаревает столь же стремительно – и это относится, конечно, не только к России.

²⁸ Посредник из прошлого // Газета.ру, 10.07.2004.